

ПЕТР ИСТОМИН

ЛЕС

16+

Петр ИСТОМИН

Лес

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Петр Истомин

Лес / Петр Истомин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Главный герой приходит в себя на борту вертолета, разбившегося в лесной чаще. Он не помнит, кто он такой и где находится. Но даже когда память к нему возвращается, и он узнает, что находится на чужой планете с важной миссией, его не покидает ощущение нереальности происходящего. Что-то странное творится в лесу, покрывающем всю поверхность планеты. Почему никто из его отряда не замечает, что время года здесь меняется за одну ночь? Почему ведут себя так странно и путаются в фактах? Почему вся история про беглого преступника на чужой планете кажется такой неправдоподобной? И почему он не может отделаться от ощущения, что все происходящее вокруг - не более, чем спектакль, разыгранный с одной-единственной целью - скрыть от него страшную правду?

© Петр Истомин, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1

Я открыл глаза и попытался оглядеться. Я находился в каком-то маленьком помещении, залитом красным светом. Все вокруг меня ходило ходуном. Меня швыряло из стороны в сторону. В воздухе летали какие-то предметы, разглядеть которые я не успевал. Один из них ударил меня в висок, я повалился на пол и тут же отлетел к противоположной стене. Все вокруг заполняла смесь звуков: вой аварийной сирены и писк каких-то приборов, грохот и звон бьющегося стекла, скрежет металла. И какой-то странный монотонный звук, распознать который у меня не получалось.

Что происходит?

Какая-то неведомая сила сжала мое тело, не давая подняться, как будто я находился на большой глубине под водой. Я с трудом повернул голову и посмотрел на противоположную стену. В ней был дверной проем. Картинка в этом проеме беспрерывно менялась. Серое небо, черные деревья, серое небо, черные деревья... И тут я понял, что нахожусь в комнате не один. Со мной было еще двое мужчин в черной одежде. Они были то ли без сознания, то ли мертвы. Их обмякшие тела кидало из стороны в сторону.

Что происходит?

Приложив колоссальное усилие, чтобы повернуть голову, я снова посмотрел на дверной проем. Картинка стала меняться чаще. Серое небо, черные деревья, серое небо...

И тут до меня дошло. Я понял, что за звук я слышал. Это был звук лопастей вертолета. А смотрел я в люк в корпусе этого вертолета.

И мы падали. Падали с чудовищной скоростью, вращаясь вокруг своей оси.

Меня накрыла паника. Я начал шарить вокруг себя глазами, пытаюсь отыскать взглядом сиденья. В вертолете должны быть такие сиденья, с ремнями безопасности. Если бы я каким-то чудом добрался до одного из этих сидений и пристегнулся...

Но я не успел. Раздался оглушительный грохот, и все потемнело.

Дальнейшие события я запомнил обрывками. Потемневшее небо. Толстые стволы черных сосен, озаряемые языками пламени. Горящие обломки вертолета. Двое каких-то мужчин тащат меня за ноги прочь от него. Спину царапают камни и корни.

Я пытался ухватиться за сознание, но не мог. Я постоянно отключался. Кто эти люди? Они были одеты во что-то желтое. Какие-то желтые защитные костюмы.

Наконец силы меня окончательно покинули, и я снова провалился во тьму.

Очнулся я на бетонном полу. Меня положили лицом вниз, так, что когда я поднял голову, правая половина лица заныла. Должно быть, я пролежал так несколько часов. Кряхтя, я перевернулся, приподнялся, опершись на локоть, и огляделся.

Комната, в которой я находился, была похожая на тюремную камеру. В полумраке я рассмотрел тяжелую металлическую дверь, покрытую ржавчиной. Единственным источником света было маленькое зарешеченное окошко, находящееся под самым потолком. Сквозь толстые металлические прутья проникал серебристый лунный свет. Комната была абсолютно пустой, ни единого предмета мебели. Но я был в ней не один.

В самом темном дальнем углу на полу сидел человек. В полоске тусклого света, падающего из окна, я рассмотрел, что он был одет в какие-то лохмотья. Лица его я не видел, его скрывала тень. Зато я хорошо рассмотрел ноги незнакомца – они были босыми и черными от грязи.

– Ты как, приятель? – спросил меня сидящий на полу человек. Голос его был хриплым и тихим.

– Я... Не знаю. Вроде, нормально, – я удивился, услышав собственный голос. Он был совершенно... Незнакомым.

Я сел, облокотившись спиной о стену, и аккуратно ощупал ноги, грудь и живот. К своему удивлению я обнаружил, что у меня ничего не болело.

– Как тебя зовут? – спросил мужчина.

– Я не... – во рту у меня моментально пересохло, – Я не знаю.

Как меня зовут? Что-то вертится на языке, но я никак не могу вспомнить. Должно быть, это последствия крушения. Помнил ли я свое имя, когда находился на борту вертолета? А что было до этого? В голове было совсем пусто. Вертолет – самое свежее мое воспоминание.

– Это нормально. Я Уистлер, – он наклонился вперед, дав возможность луне осветить свое лицо – худое, бледное и морщинистое лицо старика, измазанное грязью. Длинные седые патлы спадали на плечи, борода спуталась. Я отпрянул, вжавшись спиной в бетонную стену.

– Что здесь нормального? Почему я ничего не помню? – спросил я.

– Успокойся. Ты еще все вспомнишь, – сказал Уистлер, – Скажи, как ты здесь оказался?

– Я упал. Упал на вертолете, – ответил я, – А где мы находимся?

Уистлер, услышав мои слова, отпрянул назад, и его лицо снова скрылось в тени. Некоторое время он молчал.

– Вертолет? Ты сказал «вертолет»?

– Да. Я очнулся в падающем вертолете.

Уистлер, кряхтя, поднялся на ноги и начал беспокойно ходить по камере взад-вперед, бормоча что-то себе под нос. Я последовал его примеру и тоже встал. Ноги затекли, но были целы. Как можно упав на вертолете с такой высоты, не получить ни единой царапины?

– Ты понимаешь, что это значит? Понимаешь? – вытаращился на меня Уистлер.

– Нет, не особо...

– Дальность полета вертолета, такого, как, например, Ми-8, при максимальном запасе топлива – восемьсот километров, – сказал Уистлер.

Я продолжал недоуменно смотреть на него. Уистлер вздохнул.

– Ты же откуда-то взлетел, так? – спросил он, требовательно смотря мне в глаза.

– Ну да, должно быть.

– Это значит, что где-то там, – он махнул рукой в неопределенном направлении, – Где-то там есть... Что-то. Что-то, кроме проклятых деревьев, понимаешь?

Старик буравил меня безумным взглядом.

– Нет, – честно сказал я.

Уистлер подошел ко мне почти вплотную, так, что я почувствовал вонь, идущую у него изо рта.

– С какой стороны ты прилетел? С севера? С запада?

– Да откуда я могу это знать?

Уистлер покивал головой, что-то прикидывая про себя.

– Ну да, ну да... «Стороны света» здесь – понятие относительное.

Он снова начал ходить по комнате, что-то бормоча себе под нос. С минуту я наблюдал за ним, затем решился спросить.

– Так где мы находимся?

Уистлер резко остановился и посмотрел на меня, будто впервые только что увидел.

– В смысле?

– В прямом. Где мы?

– Мы в лесу, – сказал Уистлер.

Я вспомнил деревья, которые мелькали в «дверном проеме» во время падения, вспомнил отблески пожара на стволах вековых сосен.

– Это я уже и сам понял, – сказал я, – Но где этот лес находится?

Я вздрогнул от неожиданности – Уистлер залился пронзительным смехом.

– А черт его знает, парень, – выдавил он из себя.

Я разозлился, в висках запульсировала кровь.

– Ты что, издеваешься надо мной?

Вдруг послышался скрежет металлической задвижки. Уистлер моментально перестал смеяться, бросился обратно в свой темный угол и сел на холодный пол, обхватил колени руками.

Ржавая дверь распахнулась, и в комнату вошли двое высоких мужчин в желтых комбинезонах. Их лица были скрыты защитными масками, а в руках они держали металлические палки с двумя остриями на концах, похожие на удлиненные вилки.

– Кто вы такие? Что вам от меня нужно? – спросил я, пятясь назад.

Мужчины в защитных костюмах сделали несколько шагов по направлению ко мне. Я отступил еще и уперся спиной в стену. Один из мужчин встряхнул металлическую «вилку», и я увидел электрические разряды, пробежавшие между двумя ее зубцами.

– Что вам нужно? – громко повторил я, и тут они накнулись на меня. Все мышцы тела сократились от нескольких электрических разрядов, я повалился на пол. Они ударили еще пять или шесть раз, затем взяли мое обездвиженное тело под мышки и потащили прочь из комнаты. Я слышал звук, который издавали каблуки моих ботинок, волочась по бетонному полу.

Я видел потолок с лампами, закрытыми решетками. Затем звук, издаваемый моими каблуками, изменился, и я увидел ночное небо с яркими созвездиями на нем. Потом меня снова втащили в здание, и моему взору опять предстал потолок, только на этот раз он был выше, и лампы на нем были люминесцентными.

Наконец меня усадили на какое-то кресло, и, судя по ощущениям, привязали к нему ремнями. Я услышал звук удаляющихся шагов, а затем хлопнула дверь, и я остался в одиночестве.

Прошло несколько минут, наполненных звуком моего хриплого дыхания. Способность двигаться постепенно возвращалась, и я смог поднять голову и оглядеться, насколько мне позволяли жесткие ремни.

Оказалось, что меня притащили в комнату без окон, посреди которой находилось кресло, напоминающее стоматологическое. К нему я теперь и был пристегнут широкими кожаными ремнями. Напротив меня стоял простой прямоугольный стол, за ним – деревянный стул. Освещалась комната одной-единственной лампочкой, болтающейся под потолком.

Я напряг мышцы и постарался освободиться от ремней. Не удалось, слишком уж туго они были затянуты. Кровь плохо поступала к кистям рук, и они начали неметь.

Вдруг щелкнул замок, и распахнулась дверь. В комнату вошли трое – старик преклонных лет и двое высоких широкоплечих мужчин в темном камуфляже. Мужчины разошлись в стороны и встали по углам комнаты. Старик медленно прошагал к столу и тяжело опустился на стул. Он был лысым, в круглых очках, из-за отблесков на которых не было видно его глаз. Впалые щеки покрывала щетина. На нем был черный старомодный костюм размера на три больше, чем нужно, и широкий галстук со странным узором.

Старик положил на стол перед собой пухлую папку и, раскрыв ее, углубился в чтение каких-то бумаг. Он листал страницы трясущимися пальцами, а я все смотрел на его галстук. В тусклом свете лампочки было сложно разобрать узор. Это были... Маленькие единороги?

Вдруг старик резко захлопнул папку.

– Как вы сюда попали? – спросил он. Голос у него был громким и четким, что совсем не сочеталось с его внешним видом.

– Я не знаю, – сказал я, – Послушайте... Я не понимаю, что происходит. Я не знаю, где я...

Старик поднял правую руку, требуя тишины. Я замолчал.

– Молодой человек. Поверьте мне, в ваших же интересах начать говорить. Спрошу еще раз. Как вы сюда попали?

Я облизал пересохшие губы. Мысли в голове путались, но я постарался взять себя в руки.

– Я не знаю, понимаете? – медленно проговорил я, – Я не помню даже, кто я такой. Даже имени своего не помню. Я был на борту вертолета. Он упал. Затем я очнулся в какой-то комнате.

Я замолчал и посмотрел на старика. Его лицо было непроницаемым.

Один из громил двинулся было ко мне, но старик снова поднял худосочную руку, остановив его.

– Если вы нам врете, мы узнаем, – сказал старик.

– Я не вру.

Старик поднялся на ноги, подошел к двери и постучал в нее. Дверь приоткрылась, из коридора на лицо старика упала полоска света. Он что-то тихо сказал кому-то, кто стоял за дверью, слов я не разобрал. Затем дверь закрылась, и старик снова повернулся ко мне.

– Подготовьте его, – сказал он.

Громилы двинулись ко мне.

– Нет! – крикнул я.

Они нажали на какие-то рычаги на моем кресле, и спинка опустилась так, что я оказался почти что в лежачем положении.

– Что вы делаете? – спросил я, вертя головой и стараясь, чтобы в мое поле зрения попал хоть кто-то из троих.

Я услышал скрип открывающейся двери, в комнату зашли еще по меньшей мере трое человек.

– Отпустите! – заорал я, но меня, понятное дело, никто не послушал. Я почувствовал на лбу новый ремень, который фиксировал голову так, что я теперь не мог ее повернуть. Затем я ощутил, как к коже моего лица крепят какие-то присоски. Показался старик. Он наклонился надо мной, заслонив свет лампочки.

– Сейчас мы проверим, насколько вы ничего не помните.

– Что вы?.. – выдохнул я.

– Давай, – скомандовал старик.

Комната исчезла. Исчезли и все звуки. Осталось только биение моего сердца, но и оно вскоре затихло. Меня словно погрузили с головой в тягучую вязкую жидкость.

«Мы никому не расскажем, хорошо?»

Мелькнула вспышка света. Я почувствовал ужасающий первобытный страх. Он нарастал, накрывая меня. Я пытался кричать, но не мог.

Трещины на стекле.

Красная кровь.

Голова начала раскалываться...

Я открыл глаза и стал жадно хватать ртом воздух. Присоски одну за другой отлепляли от моего лица.

– Что это было? – выдавил я из себя.

Где-то рядом старик тихо с кем-то переговаривался. Потом снова навис надо мной.

– Очень интересно... – пробормотал он, разглядывая мое лицо, а потом скомандовал, – Унесите его обратно!

Ремни начали расстегивать. Перед глазами все плыло, конечности не слушались. Как только моя голова оказалась свободной, я свесился с кресла, и меня вырвало. Я хотел вытереть рот тыльной стороной ладони, но меня вновь подхватили под мышки и поволокли из комнаты, на сей раз гораздо быстрее.

Упав на бетонный пол уже знакомой мне камеры, я не нашел сил подняться. Перед глазами полыхали цветные вспышки. Меня вырвало еще раз, и я отключился.

Проснувшись, я увидел зарешеченное окно под потолком и проглядывающее между прутьями ночное небо. Должно быть, без сознания я лежал не так долго, если на улице еще не рассвело.

Я сел и оперся спиной о стену. На языке был отвратительный привкус, голова раскалывалась. Веки стали словно свинцовыми, глаза было тяжело держать открытыми.

Я не знал, с чего начать разговор с Уистлером, но вдруг понял, что человек, сидящий у противоположной стены на стуле, не он. Ни стула, ни этого человека раньше здесь не было. На меня смотрел мужчина средних лет с аккуратно зачесанными русыми волосами и тонкой черной бородкой. На носу у него были очки-стеклышки. Одет мужчина был в костюм, галстук был темно-серым, без каких-либо узоров.

Он сидел, положив ногу на ногу, и пристально смотрел на меня.

– Эм... Здравствуйте, – сказал я.

Мужчина не ответил и продолжил разглядывать меня, словно какое-то диковинное животное в зоопарке.

– Кто вы? – спросил я.

Снова никакого ответа.

– Эй! – позвал я и помахал рукой.

Мужчина в очках хранил молчание.

– Да ты издеваешься, – пробормотал я, поднимаясь на ноги. Я двинулся к мужчине, намереваясь потрясти его за плечо, но тут кто-то тихо окликнул меня за спиной.

– Эй...

Я повернулся и понял, что голос доносится из зарешеченного окна. Кто-то был там, по ту сторону бетонной стены, я мог различить тень этого человека, падающую на прутья решетки. Видимо, я находился в цокольном этаже. Поднимали ли меня по лестнице, когда тащили в комнату со стоматологическим креслом?

Я снова повернулся, и у меня перехватило дыхание. Мужчины с бородкой не было, как и стула, на котором он сидел еще секунду назад.

– Ты слышишь меня? Ты там? У меня нет времени! – услышал я шепот, доносящийся из окна под потолком.

Как замороженный я еще несколько секунд смотрел на участок бетонного пола, где еще секунду назад стоял стул. Потом я заставил себя оторвать взгляд, подойти к стене и поднять голову к окошку.

– Кто это? – спросил я также шепотом.

– Тихо, – сказал незнакомец, – Нет времени. Держи.

На пол у моих ног что-то упало. Я нагнулся и подобрал листок бумаги, сложенный в несколько раз.

– Что это? – спросил я. Мне никто не ответил. Мой собеседник ушел, тень на прутьях решетки исчезла.

Я развернул листок и встал так, чтобы полоска лунного света падала на текст короткой записки: «Через два часа мы начнем штурм. Будь готов. Бежать будем на юго-восток. Прорываться придется с боем».

Записка была написана крупным неровным почерком. Буквы были фиолетовыми. Перечитав последнее предложение несколько раз, я сложил записку и положил ее в задний карман штанов.

Что же происходит? Кто я такой? Почему я сюда попал? Ничего не понимаю.

Я снова сел на пол и впервые обратил внимание на одежду, в которую был одет. На мне были темно-синие джинсы и футболка, которая когда-то, должно быть, была белой, однако сейчас от грязи и пота стала темно-серой. На ногах у меня были черные высокие ботинки с толстой подошвой. Я проверил карманы джинсов, но не обнаружил в них ничего, кроме записки. Я засунул два пальца за воротник футболки – никаких ярлыков не было. А потом я понял кое-что, что меня ужаснуло. Я совершенно не помню, как я выгляжу. Даже смутно. Не помню черт своего лица, не помню, какого цвета мои глаза или волосы.

Моя рука скользнула от воротника футболки вверх и нащупала на затылке короткие волосы. Лицо было гладко выбритым. Но я его совершенно не помнил.

Скрипнул затвор, и в нижней части ржавой двери открылось маленькое окошко. В него кто-то просунул металлическую чашку и поставил ее на пол рядом с дверью. Затем окошко закрылось.

Я подполз к двери, схватил кружку и начал жадно пить. Воды в ней было совсем немного, на три глотка, но это лучше, чем ничего. Осушив кружку, я поставил ее туда, откуда взял, вернулся на свое место и стал ждать, прислушиваясь к звукам, доносящимся из окошка под потолком.

Шелест ветра в кронах деревьев и уханье ночных птиц убаюкивали. Примерно через час я начал клевать носом.

На ноги меня поднял прогремевший на улице взрыв. В окно пролился оранжевый свет пламени – что-то горело. Я услышал звуки стрельбы. Кто-то кричал. Затем раздалось еще два взрыва.

Я заметался по камере, не зная, куда себя деть.

Затем звуки стрельбы раздались уже совсем рядом, из-за металлической двери. Я услышал приглушенное «Огонь! Огонь!». Потом кто-то закричал, и что-то упало на пол.

А затем всю комнату заполнил визг металла. Кто-то пилил металлическую дверь моей камеры с той стороны. Я отошел к противоположной стене и стал наблюдать, как постепенно образовывается и расширяется разрез на металле. В бетонный пол ударил сноп искр. И вот, когда звук стих и дверь начала раскрываться, послышались новые звуки стрельбы из автоматического оружия. Кто-то ударился о дверь с наружной стороны. Прогремело еще несколько выстрелов, крик, а затем все стихло.

Я подождал несколько секунд, прислушиваясь. Стрельба и крики, доносящиеся с улицы через окошко под потолком, никуда не делись. Но в коридоре за дверью было тихо. Наконец я подошел к двери и толкнул ее вперед. Она открывалась очень тяжело. Осторожно просунув в зазор между дверью и косяком голову, я понял, почему.

Кто-то изрешетил моего спасителя пулями, и теперь его бездыханное тело лежало на полу, блокируя дверь. Это был мужчина в черной куртке и черных штанах. Лицо было мне незнакомо. В одной руке мужчина держал болгарку, в другой автомат. Вокруг лежало несчетное количество гильз.

Я навалился на дверь, и та оттолкнула лежащее на полу тело. Затем я переступил через порог и огляделся. Моя камера находилась в дальнем конце длинного коридора, освещенного уже знакомыми мне лампами. Коридор заканчивался лестницей, идущей наверх.

Поколебавшись несколько секунд, я поднял с пола автомат мужчины в черном и двинулся к лестнице. Видимо, моя камера была не единственная, я пробежал мимо пяти или шести таких же ржавых дверей. Из-за одной раздавался стук и крик «Эй! Помогите! Слышите меня?!».

«Прости, прости, не могу», подумал я, пробегая мимо.

Я поднялся по ступенькам на два пролета и увидел двойную дверь без ручек. Сделав глубокий вдох, я аккуратно толкнул одну из створок. Убедившись, что мне ничего не угрожает, я вышел на улицу.

Моему взору предстал комплекс из нескольких серых бетонных построек, расположенных посреди большой поляны, окруженной вековыми соснами. Здание, из которого я вышел, было низким, с половину этажа. Я успел увидеть ряд зарешеченных окошек у самой земли.

Возле некоторых зданий стояли автомобили – внедорожники с квадратными кабинами. Некоторые из них горели. Пригибаясь как можно ниже к земле, я пробежал к одной из машин и спрятался за колесом. Я аккуратно выглянул из-за капота.

Две группы людей вели боевые действия. Одни были одеты в черное, они наступали из лесной чащи, прячась за стволами деревьев. Вторые, одетые или в белые комбинезоны, или в желтые защитные костюмы, оборонялись, прячась за углами зданий и автомобилями. Обе стороны несли потери – то тут, то там я видел лежащие на земле тела, одетые в черное, желтое или белое.

Я увидел, что в лес уходит две грунтовые дороги. Одна вела в чащу чуть левее того места, откуда наступали люди в черном. Вторая – ближе ко мне, чуть дальше от здания, в котором меня держали. Интересно, как я должен определить, где находится юго-восток?

Я попробовал открыть дверцу машины, и она поддалась. Стараясь не издавать ни звука, я залез в салон и тихо закрыл за собой дверь. Внутри было темно, и я начал ощупывать пространство под рулем в поисках ключа зажигания, надеясь, что кто-то оставил его в скважине. Когда от прикосновения моих пальцев звякнул брелок, и я схватился за ключ, мое сердце забилось чаще. Я повернул ключ. Двигатель завелся. Включились фары, и несколько людей в белых комбинезонах повернули головы в мою сторону, слепо пытаясь рассмотреть, кто сидит за рулем.

Я включил передачу, снялся с ручника и с силой надавил на педаль газа. Автомобиль рванул с места.

«Это он!», крикнул кто-то, а затем я услышал «Стреляйте!», и последовали автоматные очереди.

Я пригнулся и спрятался за руль. Пули застучали по кабине внедорожника, высекая искры. Две из них попали в лобовое стекло, которое тут же покрылось паутиной трещин.

Я ехал почти наугад, крутя руль как сумасшедший. Мне удалось выехать на дорогу, и я устремился вглубь леса.

Через какое-то время выстрелы стихли. Я выпрямился, оглянулся посмотреть, нет ли за мной погони, а затем вдавил педаль газа в пол, крутя руль и маневрируя по петляющей между деревьями дорожке.

Сколько я так ехал, всматриваясь в ночь, я не знаю.

Через какое-то время я заметил, что с каждым метром дорога становилась все более заросшей, машину трясло на кочках и корнях. В какой-то момент я понял, что еду прямо по зарослям какого-то кустарника. Что-то застучало в двигателе. Машину дернуло.

– Давай, – сквозь зубы выдавил я.

Мне пришлось сбавить скорость, чтобы не задеть ни одного дерева, которые теперь были повсюду.

Двигатель кашлянул и заглох. Машина, несколько раз дернувшись, остановилась. Фары моргнули, потом еще раз и, наконец, погасли.

Я несколько раз повернул ключ зажигания – безуспешно. Я начал обыскивать салон и, открыв бардачок, обнаружил в нем фонарик. Тот работал, так что я вылез из машины и огляделся вокруг.

Деревья были повсюду, и я понятия не имел, как мне удалось заехать в такую глубокую чащу, не врезавшись ни в одно из них. Впереди путь преграждали черные стволы, так что даже если бы двигатель не заглох, я не смог бы проехать дальше.

Густая тьма окружала меня со всех сторон. Воздух ощутимо похолодел. Я поежился. Из рта шел пар.

И тут мне в голову пришла мысль. Я подошел к водительской дверце и увидел, что зеркало заднего вида разбито. Видимо, в него попала одна из пуль. Я выругался и обошел машину. Зеркало со стороны пассажирской дверцы было на месте. Я наклонился, направил луч фонарика себе в лицо и посмотрел в зеркало.

Как я и опасался, на меня смотрел абсолютно незнакомый мне человек с короткими темно-русыми волосами и серыми глазами, узким длинным носом и острым подбородком.

Не веря своим глазам, я дотронулся рукой до своей правой щеки. Отражение сделало то же самое. Я отшатнулся от зеркала и прислонился спиной к дверце машины.

Меня накрыла паника.

Приложив усилие и взяв себя в руки, я решил дождаться рассвета в салоне машины. С каждой минутой воздух вокруг становился холоднее, и я боялся замерзнуть, если двинусь дальше пешком.

Я залез в автомобиль, лег на заднее сиденье и захлопнул дверцу. На сиденье лежало что-то вроде покрывала, в которое я тут же укутался. Выключив фонарик, я стал ждать восхода солнца, который все никак не хотел наступать.

Я заснул, так и не дождавшись рассвета. Мне снились маленькие единороги.

Глава 2

Проснувшись, я несколько минут не мог открыть глаза – ресницы слиплись между собой, словно ночью кто-то намазал их клеем. По началу я не понял, что случилось, но когда я вытаскивал из-под покрывала руку и коснулся века, я сообразил, что ресницы примерзли друг к другу.

Я протер глаза и смог с трудом открыть их. Окна машины были полностью покрыты инеем. Сквозь них в салон проникал солнечный свет. Из рта у меня поднимались клубы пара. Я приподнялся на локтях и понял, что ужасно замерз. Температура в салоне опустилась значительно ниже нуля. Ноги онемели. Меня била крупная дрожь. Зубы стучали.

Я накинул покрывало на плечи, укутался в него получше и открыл дверцу, услышав, как треснула покрывшая ее корочка льда.

Небо было светло-голубым, солнце светило ярко, хоть и находилось низко. Все вокруг покрывал пушистый белый снег. За ночь его выпало столько, сколько не выпадало, должно быть, за всю зиму. Дверца начертила на снегу дугу. Я вышел из машины и моментально провалился в него почти что по колено.

– Ч-т-то за хр-р-рень? – стуча зубами, выдохнул я.

Я отошел от машины на несколько шагов. Снег под ногами хрустел. Деревьев вокруг стало словно еще больше, чем было вчера. Я был готов в этом поклясться, ведь иначе машина просто не смогла бы сюда проехать.

Лес простирался во всех направлениях насколько хватало взора. Снег лежал на ветвях сосен и на земле, образуя высокие сугробы.

Вдруг как раскаленная спица в голове возникла мысль: если я не найду, как согреться, я очень быстро замерзну до смерти. Я вернулся к машине и еще раз обследовал салон, открыв все шкафчики и бардачки. Ничего полезного я в них не нашел, а потому снова вылез на улицу и направился к багажнику, высоко поднимая ноги, сопротивляясь снегу.

Открыв багажник, я охнул от удивления и облегчения. В нем лежала теплая болоньевая куртка, лыжные штаны и ботинки с густым мехом, а также перчатки, шапка и шарф.

Я быстро надел все найденные вещи на себя, залез обратно в салон машины и стал греться. Теплые вещи делали свое дело, со временем меня перестала бить дрожь. Я с облегчением вздохнул.

Но что же здесь, черт возьми, происходит? Почему время года поменялось за одну ночь? И откуда в багажнике взялись зимние вещи?

А самое главное – что мне теперь делать? О том, чтобы двигаться на машине речи идти не могло. Остаться возле машины и ждать? Но чего? А если идти пешком, то куда?

Поборов подступившее отчаяние, я решил, что оставаться здесь бессмысленно. Но куда мне идти? Если предположить, что люди в черных куртках пришли вчера в лагерь с условного юго-востока, как было написано в записке, то я уехал на машине на восток. Значит, если я хочу добраться до того места, откуда эти люди пришли, мне нужно двигаться направо от машины. В конце концов, люди в черном хотели меня освободить. Возможно, они смогут мне помочь.

Я начал выбираться из машины, как вдруг что-то привлекло мой взгляд. Я замер, глядя на узор из трещин на лобовом стекле. Почему-то этот узор вызывал у меня чувство... Тревоги? Нет. Настоящего ужаса. Но почему? Пули, угодившие в лобовое стекло, прошли в каких-то сантиметрах от меня. Я мог погибнуть, но дело было не в этом.

Я почувствовал странное ощущение, будто что-то вот-вот вспомню. Будто что-то вертелось у меня на языке. Но оно ускользнуло от меня. Помотав головой из стороны в сторону, я вновь взглянул на стекло. Трещины как трещины, ничего необычного. Я вылез из машины и направился вглубь леса.

Сколько времени я шел, пробираясь сквозь снег, я не знал. Каждый шаг давался мне с большим трудом. Мне казалось, что от машины я ушел не дальше, чем на сотню метров, однако, обернувшись, я обнаружил, что внедорожник скрылся из поля моего зрения.

Силы стремительно покидали меня. Живот скручивал голод, так что идти становилось еще сложнее. Но ничего, кроме снега и деревьев, я не видел до самого горизонта.

Небо затянули серые тучи, начали падать хлопья снега, задул пронизывающий ветер.

Наконец я почувствовал, что сил еще на один шаг у меня просто не хватит. Я упал на колени в снег, закрыл глаза и несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул.

А когда открыл глаза, увидел вдалеке среди деревьев силуэт человека. Он будто... Сидел на стуле рядом с деревом прямо посреди снега. И я понял, кто это был. Это был тот мужчина в очках и с бородкой, который неизвестно откуда появился в моей камере, а затем так же не известно куда пропал.

– Эй, – услышал я собственный голос, – Эй, помогите мне!

Я упал в снег лицом вниз. Сил больше не было. Я останусь здесь, так и не выяснив, что здесь происходит.

Да это уже и не важно. Я сдаюсь. Снег начал засыпать меня сверху.

И тут я услышал скрип шагов. Кто-то приближался ко мне.

– Эй, смотри! – услышал я, – Смотри, это он!

Шаги ускорились, и я почувствовал, как меня поднимают и переворачивают. Приоткрыв глаза, залепленные снегом, я увидел двух мужчин, одетых в черные пуховики, шапки и защитные лыжные очки.

– Максим, ты слышишь меня?

– Кто вы? – прохрипел я.

– Так, давай положим его на носилки. У него, должно быть, обморожение.

Меня положили спиной на что-то твердое и поволокли. Я ощутил чувство дежа вю – я снова смотрел в небо, мимо проплывали высокие сосны. Я старался оставаться в сознании, но с каждой секундой делать это становилось все сложнее.

Меня затащили в какое-то странное помещение, внутри которого было очень тепло, и уложили на кушетку. Затем стянули куртку и лыжные штаны. Рядом суетились какие-то люди.

– Что происходит? – еле слышно спросил я.

– Тихо-тихо, – сказал кто-то слева от меня.

Я огляделся по сторонам. Стены странной комнаты были гибкими, ветер, дующий снаружи, заставлял их вибрировать. Я понял, что нахожусь в палатке, достаточно большой по площади, чтобы уместить черную печь, стоящую посередине, кушетку, пару ящиков, а также нескольких человек.

Откуда-то вынырнула девушка, держащая в руках миску с горячим супом. Я накинулся на него и съел все за считанные секунды. Тепло разлилось по телу.

Затем высокий молодой парень принес пакет с прозрачной жидкостью, снова уложил меня на кушетку и начал подготавливать меня к установке капельницы.

– Отдохни, – сказал он, – Сейчас вернется Игорь, подожди немного.

Я не имел ни малейшего представления, кто такой Игорь, но устроился поудобнее и прикрыл глаза. Лекарство из капельницы начало действовать, к замерзшим ногам стала возвращаться чувствительность, тело постепенно наполнялось силой.

Печь, труба которой уходила в брезентовый потолок, хорошо справлялась со своей задачей, и я уже забыл о том, как холодно было снаружи. Мне удалось успокоиться, сердце забило медленнее, дыхание выровнялось.

– Максим, – услышал я голос.

Открыв глаза, я посмотрел на вошедшего в палатку человека. Это был невысокий круглолицый мужчина в очках, которые запотели после улицы. Он стягивал с себя плотные рукавицы, встревоженно разглядывая меня. Я решил, что это и был Игорь.

– Прости, мы думали, что ты погиб, – сказал Игорь.

– Где я? – спросил я, – Кто вы такие? Я ничего не помню.

Игорь снял куртку «Аляску», повесил ее на стоящую у входа вешалку, взял стул и сел рядом с моей кушеткой.

– Я понимаю... Понимаю, – сказал он, протирая очки краем свитера, – Я отлично представляю себе твои ощущения. Но такой был протокол, ты же знаешь. Черт, ты не знаешь, прости. Мы исправим это, ты все вспомнишь. Подожди немного, потерпи.

– Кто вы такие? – спросил я.

Игорь вернул очки на место и улыбнулся.

– Друзья, – сказал он.

В палатку вошли двое людей, укутанных с ног до головы. Они принесли какой-то тяжелый металлический ящик и поставили его слева от стула, на котором сидел Игорь.

– Спасибо, – сказал он, люди коротко кивнули и вышли.

Игорь откинул какую-то панель на верхней грани ящика, и я увидел загоревшийся синим светом экран. Затем Игорь нажал несколько кнопок на клавиатуре и достал откуда-то снизу ящика белый провод с маленьким контактом на конце.

– Что это? – спросил я.

– Успокойся, сейчас все закончится, – сказал Игорь, – Ляг на левый бок.

Я лег. Игорь взял провод, завел за мое правое ухо, и я услышал глухой щелчок.

– Что?..

– Спокойно, – пальцы Игоря начали стучать по клавиатуре, взгляд бегал по монитору, – В твой мозг встроена система блокирования воспоминаний. Это стандартный протокол. Чтобы противник не получил доступ к секретной информации, в случае попадания члена отряда в плен. Как только ваш вертолет подбили, система активировалась. Но сейчас мы это исправим.

Я продолжал наблюдать за Игорем. Он наклонился и включил несколько тумблеров на торце металлического ящика. Тот загудел и завибрировал.

– Приготовься, – сказал Игорь, – Необычные ощущения.

Он нажал на какую-то кнопку, и меня пронзила боль. Чувство было такое, будто кто-то резко открыл все краны, и теперь моя голова вот-вот переполнится и лопнет. Информация вливалась в мой мозг, перед мысленным взором с гигантской скоростью менялись какие-то картинки, но я не успевал сфокусировать свое внимание ни на одной из них. И в тот момент, когда я подумал, что не выдержу, все прекратилось.

Я сел, часто дыша. Сердце колотилось.

Я все вспомнил.

– Игорь, – сказал я, – Черт побери.

– Макс, – произнес он и похлопал меня по плечу.

Затем Игорь отсоединил провод от гнезда за моим ухом. Это гнездо предназначалось для доступа к модулю, подключенному прямо к головному мозгу. У всех из нас был такой модуль. У всех членов отряда, прибывшего на планету Паралакс.

– Я не понял, что произошло, – сказал я, – Нас сбили. Мы вдруг начали падать. Усов и Федотов... Они погибли, да?

Игорь грустно кивнул.

– Но кто эти люди там в лесу? Откуда они здесь взялись? Ты же не хочешь сказать мне, что это местная цивилизация?

– Я не знаю, – сказал Игорь, – Это нам и предстоит выяснить.

Я снова лег на кушетку. Чувство ужаса от того, что в голове нет ни единого воспоминания о прошлом, улетучилось. Память вернулась. Все встало на свои места.

Меня зовут Максим Козин. Я член отряда специального назначения, направленного с Земли на планету Паралакс. Несколько дней назад из тюрьмы для особо опасных преступников «Грейстоун», оборудованной на Луне, сбежал человек. Впервые в истории.

Этот беглец – самый опасный преступник в истории человечества – Алесандр Прайс. Прайса посадили за то, что он ни много ни мало пытался уничтожить человечество, распылив отравляющий газ со спутников, запущенных его корпорацией «Прайс Коммуникейшн». Спутники он запустил якобы для того, чтобы предоставить всему населению Земли бесплатный интернет. Помню, что в прессе была большая шумиха. Прайса называли самым крупным меценатом в истории. Он давал интервью и ходил по ток-шоу. Он купался в лучах славы.

«Платный интернет – это пережиток прошлого. Мы живем в двадцать втором веке, и пора нам реализовать право на всеобщий бесплатный доступ к информации», – заявлял он.

Прайс втерся в доверие к лидерам большинства мировых держав. Получил необходимое финансирование для своего проекта. А когда спутники были запущены, он занялся настоящим шантажом планетарного масштаба. Оказалось, что спутники оборудованы специальной системой, позволяющей распылить в атмосфере токсичный газ, способный отравить все население планеты. За отказ от этой идеи Прайс потребовал три триллиона долларов.

Но его удалось остановить. Объединенная спецслужба ООН схватила Прайса и предотвратила катастрофу. Его приговорили к трем тысячам четырёхстам годам заключения в тюрьме «Грейстоун» на Луне. Но он сбежал. Он угнал шаттл и полетел сюда, на планету Паралакс, находящуюся в соседней солнечной системе. Шаттл попытались сбить, но безуспешно.

Что ему здесь нужно, мы не знаем. Эту планету открыли пятьдесят лет назад, и ничего, кроме леса, на ней не было. Вся ее поверхность была покрыта деревьями и кустарником. Конечно, в планах было ее колонизировать. Но шаги в этом направлении совершать никто не торопился. Дело в том, что некоторые ученые, довольно уважаемые, выдвигали предположения, что Паралакс не так прост, как кажется на первый взгляд. Якобы, на поверхности планеты наблюдались странные аномальные явления. В атмосфере фиксировались необъяснимые возмущения. На некоторых снимках со спутников наблюдались тени и объекты, которых на этих снимках быть не должно. Те немногие люди, которые здесь побывали, рассказывали о странных видениях, необъяснимых явлениях и прочей подобной чертовщине.

Ученые требовали у правительств стран вложить в исследование планеты больше средств. Их просьбы не удовлетворялись.

Но, возможно, в исследование планеты все-таки были вложены средства. Средства корпорации «Прайс Коммуникейшн». Иначе что сам Прайс здесь забыл?

Возможно, он просто решил здесь спрятаться, потому что объединенные спецслужбы ООН нашли бы его в любом уголке Земли. А может быть, у него была какая-то другая цель.

Но сейчас меня больше всего волновал другой вопрос – кто эти люди, в лагерь которых я попал? Откуда они взялись на необитаемой планете? Не может же это быть массовой галлюцинацией.

Все прибывающие на Паралакс корабли фиксировались и отслеживались. Например, мы отследили траекторию шаттла Прайса и нашли точное место его посадки. Само собой, самого Прайса внутри не было. Но проморгать целую группу кораблей, доставивших на Паралакс всех этих людей, строительные материалы для зданий, которые я видел в лагере, внедорожники и бог еще знает, что...

А если это какая-то местная цивилизация, то как их раньше не заметили ни на одном спутниковом снимке?... Ничего не понимаю.

Вдогонку Прайсу было послано двадцать четыре сотрудника космической службы правопорядка, в числе которых был и я. Конечно, в наши обязанности поимка беглых преступников

на чужих планетах не входила. Мы занимались сопровождением правительственных судов и конвоированием преступников до места отбывания наказания – «Грейстоуна». Но, справедливости ради, подобного еще не случалось. Ситуация была нестандартная, и решение принималось в спешке. Приказ есть приказ...

По прибытии на планету мы разбили лагерь и начали проводить серию разведывательных полетов на привезенных с собой вертолетах. На одном из таких рейсов был я. Теперь я, конечно, понимаю, что мы совершенно не были готовы к миссии. На планете мы находились третий день. Мы потеряли один вертолет. Из двадцати четырех нас осталось шестеро, остальные погибли при штурме лагеря. Мы понятия не имели, где мог находиться Александр Прайс. И в довершении всего нам противостояла группа вооруженных враждебно настроенных людей, непонятно откуда взявшихся на чужой необитаемой планете.

– Вам удалось захватить их лагерь? – спросил я Игоря.

– К сожалению, нет. Мы потеряли шестнадцать бойцов, им удалось оттеснить нас, мы отступили. Честно говоря, вызволить тебя мы уже не надеялись.

– На связь с командованием выходил? Что они говорят насчет чужаков?

– Нет, передатчик не работает. Катя говорит, что в атмосфере какие-то завихрения или что-то такое, сигнал не проходит.

Я потер виски указательными пальцами.

– А что насчет Прайса? Удалось выйти на его след?

Игорь вздохнул.

– Нет, – ответил он, – Кроме самого шаттла мы ничего не нашли. Следы Прайса, конечно, уже замело снегом. Разведывательные полеты после падения вашего вертолета мы прекратили. Нужно разобраться с этими чужаками, понять, кто они, и устранить угрозу. Мы не знаем их боевого потенциала. Какое у них оружие? Чем именно они сбивали вертолет?

Я покачал головой.

– Не знаю, не помню. В какой-то момент нас качнуло, и мы просто начали падать.

Игорь несколько раз молча кивнул головой, что-то прикидывая про себя.

– Понятно... Ладно, отдыхай, набирайся сил. Позже соберемся все вместе и обсудим ситуацию. Лихачев предлагает прервать миссию и улететь. И я, честно говоря, уже почти что с ним согласился. Здесь происходит какая-то чертовщина, Макс. Люди жалуются на головную боль. Стрелка компаса крутится как сумасшедшая. Оборудование дает сбои. Люди напуганы. Я и сам несколько раз видел... Ну скажем так, то, чего быть здесь не должно.

Я кивнул, вспомнив мужчину в очках с бородкой.

– В общем, вечером все обсудим, – сказал Игорь.

Он поднялся на ноги, надел куртку и двинулся к выходу из палатки.

– Игорь, – сказал я. Он остановился у самого выхода из палатки и обернулся, – А кто-нибудь до нас фиксировал такое резкое изменение климата на Паралаксе?

Игорь нахмурился, и по моей спине пробежал холодок.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, когда наш вертолет упал, было лето. И буквально за одну ночь температура упала градусов на пятьдесят, и выпал снег.

Игорь посмотрел на меня с нескрываемой тревогой.

– О чем ты, Макс? Здесь же вечная зима. Когда мы прилетели, все было точно так же, как и сейчас.

Теперь нахмурился я.

– Я точно помню, как проснулся и понял, что сильно замерзаю. Я нашел теплые вещи в багажнике машины...

– Возможно, твоя память еще не до конца восстановилась. Такое бывает. Нужно просто подождать, – спокойно сказал Игорь, хотя на его лице я видел сильную обеспокоенность, – Постарайся поспать.

Игорь вышел из палатки, и я остался один.

Глава 3

Вечером мы собрались на борту спускаемого модуля, чтобы обсудить план наших дальнейших действий. Все были уставшими и подавленными. Открыл наше собрание Игорь.

– Прежде всего, рад приветствовать Максима, которому удалось сбежать из плена.

Все кивнули. Все, кроме Андрея.

– Где тебя держали? – спросила Катя. Ее рыжие волосы торчали из-под меховой шапки.

– В каком-то полуподвальном помещении. Видимо, это отдельное специальное здание, в котором оборудованы камеры для заключения. Там я был не один. Со мной сидел какой-то старик, сказал, что его зовут Уистлер. И я слышал как минимум еще одного заключенного в соседней камере, когда уходил оттуда.

– Что тебе удалось выяснить об этих людях? – спросил Матвей, наш медик.

– В общем-то ничего, – сказал я, – В их лагере несколько зданий. Я был в двух из них. В одном меня держали в камере вместе с Уистлером, а в другом... Скажем так, допрашивали.

– В смысле – допрашивали? – спросил Матвей.

Я рассказал о комнате со «стоматологическим» креслом, старике в костюме на два размера больше, чем нужно и приборе, подключаемому к голове с помощью присосок.

– Хорошо, что они не нашли твой порт модуля блокировки воспоминаний. Черт их знает, какие у них технологии, может, им удалось бы его каким-то образом взломать, – сказал Игорь.

– Кто они такие? Откуда они здесь? – спросил Костя.

– Думаю, что это люди Прайса, – сказал Игорь, – Другого объяснения я не вижу. Как им удалось проникнуть на планету, оставшись незамеченными – уже другой вопрос. Но, скорее всего, они здесь ожидали прибытия Прайса. И он сейчас там, в этом лагере.

– Не знаю, не уверен, – сказал Матвей, – Ты говоришь, что в лагере было несколько зданий? В смысле из бетона или кирпича?

– Да, – подтвердил я, – Такие точно не построишь на скорую руку. Ко всему прочему, я бы не сказал, что здания производили впечатление новых. Они стоят там очень давно, может, не один десяток лет.

– Но откуда они взялись? – спросил Костя.

Раздался грохот. Это Андрей стукнул кулаком по приборной панели. Все посмотрели на него.

– Что мы вообще обсуждаем? – выпалил он, – Нужно валить отсюда как можно скорее. Там в лесу банда вооруженных головорезов. Да, одного нашего нам удалось спасти. Но какой ценой? Ценой жизни шестнадцати ребят. Нам нужна подмога. Нужно лететь на Землю и возвращаться с армией. Вшестером мы здесь точно погибнем.

Повисла тишина.

– Я согласна, – наконец сказала Катя, – Мы не знаем, сколько их. Даже если магнитные возмущения в атмосфере прекратятся, и нам удастся связаться с командованием и запросить подмогу, нет никакой гарантии того, что мы ее дождемся. Эти люди могут в любой момент на нас напасть.

Андрей активно затряс головой.

Игорь вздохнул.

– Хорошо, – сказал он, – Наш корабль на орбите. Над нами он будет через три часа с небольшим. Костя, ты сможешь вывести спускаемый модуль на орбиту и произвести стыковку... без Саши?

– Думаю, да, – кивнул Костя.

– Хорошо, отсюда мы свяжемся с командованием. И тогда примем решение. Мы либождемся подкрепления на борту корабля, а я не думаю, что чужаки смогут нас там достать, либо вернемся на Землю.

Все присутствующие согласно кивнули.

– Тогда давайте сворачивать лагерь, – сказал Игорь.

Все отправились демонтировать палатки и собирать вещи. Погода испортилась еще сильнее, темное свинцовое небо почти касалось макушек черных сосен. Пошел густой липкий снег.

Я занялся сворачиванием палатки, в которой еще несколько часов назад лежал под капельницей. Прежде всего я отсоединил печную трубу и вынес саму печку на улицу. Затем начал одно за другим убирать крепления, удерживающие палатку на земле. Вдруг поднялся ветер, и один край брезента взлетел вверх.

– Я помогу! – услышал я.

Ко мне подбежала Катя, и вместе мы сумели уложить брезент в плотный рулон. Ветер усилился. Катя поежилась.

– Скорее бы улететь отсюда. Я уже промерзла до костей.

– Да, – сказал я, укладывая свернутую палатку на другие, лежащие возле спускаемого модуля, – Я тоже.

Мне захотелось поговорить с ней о странном изменении погоды, который, видимо, наблюдал только я один, но я никак не мог решиться начать этот разговор.

– Боюсь даже представить, каково тебе было там, в плену. Ничего не помнишь, не понимаешь, кто ты. Было страшно? – ей пришлось повысить голос, чтобы перекричать вой ветра.

– Да, очень, – честно признался я и, набрав побольше воздуха в грудь, спросил, – Скажи, а ты видела здесь что-нибудь необычное? Ну то, о чем все говорят?

Катя посмотрела мне в глаза сквозь пелену падающего снега, поток которого с каждой минутой становился все плотнее.

– Да, видела, – сказала она так тихо, что я еле различил ее слова, уносимые ветром, – Я видела отца.

Я осекся. Все знали, что отец Кати умер несколько лет назад.

– Я... Прости, – сказал я.

– Здесь все видят покойников, – сказала она, – Каких-то близких людей, которые умерли. Костя видел дедушку. Андрей – жену. Ее в прошлом году сбила машина.

– О боже, я не знал, – сказал я. Так вот почему Андрей так стремился улететь с этой планеты.

– А ты, Максим? Ты кого-нибудь видел?

– Да.

– Кого?

Я задумался. Даже после восстановления памяти мужчина с бородкой оставался для меня абсолютно незнакомым.

– Я не знаю, – сказал я, – Какого-то мужчину. До этого я никогда его не встречал.

– Странно, – сказала Катя.

В нас ударил особенно сильный порыв ветра, чуть не сбив с ног.

– Пошли отсюда, – сказал я, перекивая ветер.

Катя согласилась, я взвалил на плечо сверток брезента, и мы двинулись к спускаемому модулю. Платформа с палатками и прочим нашим имуществом медленно поднималась и заезжала в специальный отсек в корпусе модуля. Мы поднялись на борт. Вой ветра стих, превратившись в далекий гул. Внутри было тепло и сухо.

– Что за чертовщина? – сказала Катя, глядя на экраны на приборной панели, – Здесь абсолютно невозможно предсказать погоду. Откуда взялась эта буря?

– Думаешь, Костя сможет пилотировать модуль в такую метель?

– Очень сомневаюсь, – покачала головой Катя, – И палатки мы уже свернули. Придется переждать здесь. А где все остальные?

В посадочном отсеке действительно больше никого не было. Я поднялся на мостик, окинул взглядом помещение. Никого не было.

– Эй! Есть кто? – крикнул я. Тишина.

Катя взяла рацию и нажала на переключатель.

– Прием! Слышит меня кто-нибудь?

Помехи в ответ.

– Прием! Игорь! Костя! Андрей!

Снова помехи.

Мы переглянулись.

– Я схожу поищу их, – предложил я.

– Я с тобой.

– Не надо, оставайся на борту и грейся. Я быстро.

Я снова открыл шлюз и вышел на улицу. Снежная буря застилала все вокруг, силуэты черных сосен еле угадывались, хотя до них было не больше ста метров. Я, как мог быстро, побежал по направлению к месту, где раньше были разбиты другие палатки. Ни палаток, ни людей, их собиравших, там не оказалось. Я сложил руки в толстых перчатках в рупор и поднес ко рту.

– Э-э-э-э-эй!

Сильнейший ветер моментально унес мой крик далеко в сторону.

Я еще несколько раз пробежал по периметру нашего лагеря и, никого не найдя, решил вернуться к модулю. Как только я приблизился к нему на достаточно близкое расстояние, я понял, что что-то не так. Шлюз был открыт, хотя, уходя, я его закрывал.

Я замедлил шаг, инстинктивно пригнувшись к земле. Черт, где мое табельное оружие? Почему я не взял его с собой? Какой же я идиот.

Наконец я различил фигуры людей, стоящих возле модуля. Это была Катя и какой-то мужчина.

«Прайс», подумал я.

Но я ошибся, это был не он. За Катей стоял верзила в белом маскировочном комбинезоне и держал пистолет, уперев его дуло в спину девушки. Я узнал его. Это был один из двух громил, которые сопровождали допрашивающего меня старика. Вокруг модуля я различил еще как минимум пятерых бойцов. Автоматы в их руках были направлены на меня.

– Где мои друзья? – крикнул я.

– Мертвы, – отрезал громила в белом, – Подними руки, чтобы я их видел.

Мне не оставалось ничего, кроме как повиноваться.

– Отпусти ее, – сказал я.

– Еще чего, – рассмеялся громила, – Чтобы она привела сюда ваших дружков с Земли?

– Что вам нужно?

– Нам нужен ты, – сказал громила, и даже сквозь плотную снежную завесу я различил, как он улыбнулся.

– Тогда почему вы не отпустите девушку? – крикнул я.

Улыбка громилы, кажется, стала шире.

– Потому что с этой планеты уже никто не улетит, – сказал он.

– Макс, – успела выдать Катя, и тут раздался выстрел.

Она повалилась в снег лицом вперед.

– Нет! – я дернулся вперед, но меня остановил крик громилы.

– Стоять!

Я остановился. Я смотрел на громилу, а в висках стучала кровь. Мое лицо искривил звериный оскал. Несмотря на мороз, который за последний час, казалось, только усилился, кожа лица у меня полыхала огнем.

– На колени. Руки за спину, – скомандовал громила.

Я не двинулся с места.

– Живо! – рявкнул он.

Я опустил на колени. Ко мне подошел один из бойцов с автоматами, и я почувствовал, как на моих запястьях защелкиваются браслеты наручников.

Громила достал из-за спины какой-то предмет и с размаху зашвырнул его в открытый шлюз нашего спускаемого модуля. Затем подошел ко мне, зашел мне за спину и поднял на ноги, с силой потянув за цепочку наручников, что доставило мне ощутимую боль. Он произнес прямо над моим ухом:

– Никто не улетит. Слышишь?

Затем я боковым зрением увидел, как он нажимает кнопку на каком-то маленьком пульте, лежащем в его руке.

Раздался взрыв. Обломки спускаемого модуля разлетелись в разные стороны, чудом не задев меня. Взрывная волна ударила мне в грудь, заставив отступить на шаг назад. Сквозь плотный снег я увидел гигантский столб оранжевого огня.

Меня силой развернули на сто восемьдесят градусов и ткнули в спину стволом автомата, приказывая шагать вперед.

Я снова оказался в том же низком здании, но на этот раз меня остановили перед дверью другой камеры. С меня сняли наручники и толкнули внутрь, а потом заперли дверь.

В помещении было немногим теплее, чем на улице. Снег проникал внутрь через зарешеченное окно под потолком, образуя на полу небольшой сугроб.

У стены спиной ко мне лежал человек, укутанный в несколько слоев каких-то тряпок. Я сел на пол и обхватил голову руками. Я остался один. Все мертвы. Что мне теперь делать?

Открыв глаза, я некоторое время не мог поверить тому, что увидел. В середине камеры на стуле сидел тот самый мужчина с бородкой. Несмотря на то, что он был одет во все тот же костюм с синим галстуком, ему, очевидно, совсем не было холодно. Он вновь внимательно изучал меня. Я предпочел молчать.

– Здравствуй, – сказал мужчина. Голос его был спокойным и мягким, – Я хотел бы с тобой поговорить, ты не против?

Я удивился, ведь он впервые заговорил со мной.

– Кто вы такой? – спросил я.

– Я Умник.

– Умник? Что еще за Умник?

Он оставил этот вопрос без ответа. Тогда я медленно поднялся на ноги.

– Кто вы такой? – громко спросил я, – Почему... Почему вы мерещитесь мне?

– Это сложно объяснить... Я не совсем мерещусь тебе, Максим. Ты же Максим, я правильно говорю?

– Да... – медленно произнес я, – Чего вы хотите?

– Мне нужно кое-что выяснить, – сказал Умник, – Кое-что узнать. Кое-что такое, что знаешь только ты.

– Что? – спросил я.

Умник прищурился и склонил голову на бок. У него в руках я увидел блокнот и ручку. Они были при нем с самого начала?

– Расскажи мне, что ты помнишь? Кто ты такой?

Что за чертовщина здесь творится?

– Я... Я Максим Козин. Я член специального отряда космической службы правопорядка. Умник сделал какие-то пометки в блокноте.

– Где мы сейчас находимся? – спросил он.

– Мы на планете Паралакс. Где-то здесь беглый преступник Александр Прайс. Он совершил побег из тюрьмы на Луне, из «Грейстоуна». У нас миссия – найти его и доставить на Землю.

– Понятно, – сказал Умник, – Скажи, на Земле у тебя есть жена или дети?

– Да... – я осекся, – Хотя, нет... Я... Я не знаю.

Я попятился к стене. Как такое может быть? Почему я не знаю? Это же элементарный вопрос.

Умник поднял правую руку в успокаивающем жесте.

– Я напугал тебя? Прости. Это ничего. Ничего страшного. Извини за этот вопрос.

– Я не знаю. Почему я не знаю?

Меня снова начала накрывать паника. Ко мне же вернулись мои воспоминания. Или нет? Может быть, блокатор памяти поврежден?

– Хорошо, ничего страшного, – повторил Умник, – Расскажи мне, где ты живешь?

– В Москве, – ответил я, но тут же задумался. В Москве? Или все-таки в Нью-Йорке?

Умник наклонился чуть вперед.

– Максим, ты сказал, на Луне есть тюрьма. Какой сейчас год?

Мое сердце учащенно забилось.

– Я не знаю... Этого я тоже не знаю. Что происходит? – я уперся спиной в стену, и тут же сам ответил на свой вопрос, – Это все устройство, блокирующее память. Наверное, произошел какой-то сбой, и память восстановилась не полностью, вот и все. Почему вы вообще пристали ко мне со своими вопросами?

– Извини, Максим, я не хотел тебя пугать...

– Отстаньте! – крикнул я, – Хватит вопросов! Я не знаю и все! Отвяжитесь!

– Максим...

– От-ва-ли! – крикнул я, и Умник исчез.

Просто растаял в воздухе. Я остался стоять, глядя на участок бетонного пола, где только что стоял его стул.

– Кто здесь? – раздался хриплый голос. Человек, лежащий у стены, зашевелился и повернулся ко мне. Из-под кучи старых одеял на меня посмотрели пронзительные голубые глаза.

Я узнал этого человека. Он был вымотанным и грязным. Темные седые волосы, которые обычно были аккуратно уложены, сейчас спутались и прилипли ко лбу. Нижнюю часть лица покрывала черная щетина. Да, этот человек был совершенно не похож на того уверенного в себе бизнесмена, который рассказывал с экрана телевизора о преимуществах бесплатного и всеобщего интернета. Но тем не менее это был он. Это был Александр Прайс.

– Ты... – выдохнул я.

– Ты кто такой? – спросил Прайс, с трудом принимая сидячее положение.

– Максим Козин, – ответил я, – Я член специального отряда космической службы правопорядка. Я прибыл сюда, чтобы схватить тебя и доставить на Землю.

– А... – Прайс понимающе кивнул, – Понятно. Хочешь упрятать меня обратно в тюрьму? Что ж, поздравляю, миссия выполнена. Мы с тобой оба в тюрьме. Хотя я бы предпочел оказаться в «Грейстоуне», там хотя бы не так холодно.

Он плотнее закутался в лохмотья.

– Я так понимаю, это не твои люди? – спросил я.

Прайс невесело рассмеялся.

– Сам-то как думаешь?

– Как ты сюда попал?

– Они схватили меня в лесу, прямо возле шаттла.

– Что ты вообще забыл на Паралаксе? – спросил я.

– Моя компания потратила очень большую сумму денег на исследование этой планеты, – сказал Прайс, – Собственно, здесь я и планировал обосноваться после получения выкупа. Но когда все... Скажем так, не задалось, я решил сюда бежать. На Земле меня тут же схватили бы и, скорее всего, ликвидировали на месте.

– И какой же у тебя был план?

– Прилететь на Паралакс и скрыться в одной из подземных пещер. Вся планета усеяна ими, их можно найти, если знать, где искать. Потом, когда шумиха утихла бы и интенсивность моих поисков уменьшилась, сюда должны были прилететь мои люди и привезти с собой оборудование, продовольствие и прочее.

– Если ты давно изучаешь Паралакс, почему ничего не знаешь о местных обитателях?

– Не было здесь никаких местных обитателей, – сказал Прайс. Он поднялся на ноги и потянулся, не снимая с себя кипу одеял, – Я понятия не имею, откуда здесь взялось все это.

Прайс обернулся вокруг своей оси, как бы показывая на окружающие нас бетонные стены. Повисла пауза. Затем я все же собрался с мыслями и спросил:

– Когда ты приземлился... Какая была погода?

Прайс посмотрел на меня с прищуром и улыбнулся.

– А... – протянул он, – Ты тоже, да?

– Тоже что?

– Сначала было тепло, да? А потом за ночь резко наступила зима?

У меня перехватило дыхание.

– Да. У тебя тоже так?

– Да. А у твоих друзей? Они тебе небось говорили, что ты с ума сошел, и зима здесь была всегда?

– Точно, – сказал я, глядя на Прайса широко раскрытыми глазами.

– Я думаю, именно поэтому их всех и убили, – сказал Прайс, – А мы с тобой все еще живы. Я чувствую, что здесь есть какая-то связь.

Я задумался. Может быть, спросить его про Умника? Но только... Что-то в его словах меня смутило. И тут я понял, что именно.

– Подожди, – медленно произнес я, – Откуда ты знаешь, что всех моих убили?

Прайс ответил не сразу. Я успел увидеть, как по его лицу пробежало замешательство.

– Ну а где они все в противном случае? – спросил он, как мне показалось, с напуском вызовом в голосе, – Не слышал, чтобы их заводили в соседние камеры.

Я ему не поверил. Он что-то знал, я был почти уверен в этом.

– Давно ты здесь находишься? – спросил я.

– Давненько, – ответил он.

– Когда мне организовывали побег, это ты просил тебя выпустить?

Прайс снова улыбнулся.

– Так это был ты? То есть ты угодил сюда уже во второй раз? Ну ты и неудачник, парень.

Его слова меня задел.

– А сам-то ты кто? – огрызнулся я, – Мне хотя бы один раз уже удалось отсюда сбежать.

– Мне удалось сбежать из «Грейстоуна», парень, – сказал Прайс, – И отсюда я сбегу, уж будь уверен. Александр Пирс выберется из любой передраги.

Я посмотрел ему в глаза. Видимо, по моему выражению лица он понял, что что-то не так, потому что сам мгновенно изменился в лице.

– Прайс, – сказал я.

– Что?

– Александр Прайс. А ты сказал Александр Пирс.

Прайс замялся.

– Тебе показалось...

– Кто ты такой? – твердо спросил я.

Прайс старательно избегал моего прямого взгляда.

– Слушай, парень, мне не до твоих тупых...

Я подлетел к нему и с силой вдавил в стену.

– Кто ты? – повторил я.

– Да успокойся ты, они этого и хотят. Хотят, чтобы мы рассорились между собой!

Скрипнула задвижка, и дверь камеры отворилась. В камеру вошли трое человек в желтых защитных костюмах. На сей раз они держали в руках автоматы.

– Руки за голову, лицом к стене! – приказал один из них.

Я несколько секунд смотрел на Прайса, затем все же отпустил его, подошел к стене и заложил руки за голову.

На меня снова надели наручники, и нас куда-то повели. Буран на улице усилился. Толстые вековые деревья гнулись на ветру как тростинки.

Я подумал, что мы снова направляемся в комнату со «стоматологическим» креслом, но ошибся. Нас завели в другое здание и провели по коридору до зеленой двери. За ней обнаружилась комната с широким зеркалом на одной из стен. Под потолком трещали люминесцентные лампы, заливая все мерцающим белым светом. В комнате стояло три стула, обращенных к зеркалу. На одном из них сидел человек. Несмотря на грязь и потеки крови на лице, я сразу же узнал его – это был Матвей.

– Эй, – позвал я.

Он застонал, открыл глаза и посмотрел на меня.

– Макс, – сказал он тихим, еле слышным голосом – Ты жив...

Один из сопровождающих толкнул меня в спину, и я двинулся вперед. Меня усадили слева от Матвея, Прайса – справа. Мои руки, закованные в наручники, оказались за спинкой стула. Люди в желтых комбинезонах встали у стен, нацелили на нас автоматы и стали ждать.

Через несколько минут дверь за нашими спинами открылась, и я увидел в зеркале, как в комнату входит старик в круглых очках. Он медленно прошагал мимо меня. Старик был все в том же костюме, который на его худосочном теле висел как на вешалке.

Я мельком взглянул на Прайса. На его лице был ужас. Матвей, кажется, с трудом оставался в сознании.

Старик встал перед нами, и я увидел у него в руке большой черный пистолет. Он коротко кивнул людям в комбинезонах, те опустили оружие, вышли из комнаты и закрыли за собой дверь.

– Что ж, господа, – сказал старик, – Времени на то, чтобы вести долгие переговоры, у меня нет. Поэтому я задам по одному вопросу каждому из вас. Если ответ мне понравится, вы выживете. Нет – умрете.

Он подошел к Прайсу и упер ствол пистолета прямо между его ярко-голубых глаз.

– Итак. Как вы нас нашли?

Я увидел как учащенно задышал Прайс. Его била дрожь. Он посмотрел прямо на старика и сказал:

– Я не искал вас. Вы мне вообще не нужны. Я понятия не имею, кто вы такие. Опустите меня, и я обещаю...

Старик нажал на курок. Я вздрогнул. Раздался выстрел, и Прайс упал на спину вместе со стулом, на котором сидел. На стену попали брызги крови.

Старик сделал шаг и оказался напротив Матвея. Тот опустил глаза в пол. Дуло пистолета уставилось ему в макушку.

– Как вы нас нашли? – спросил старик.

Матвей, в отличии от Прайса, сохранял самообладание.

– Мы увидели вас со спутника, – он врал. Я понимал, насколько лихорадочно соображает его мозг, чтобы его слова звучали правдоподобно.

– Как? Нас нельзя увидеть со спутника.

– Мы сканировали местность в инфракрасном излучении, увидели тепловые сигнатуры.

Старик молчал. Десять секунд. Двадцать. Кровь стучала у меня в висках, я боялся, что сейчас он застрелит Матвея. Но Старик купился на его историю и опустил пистолет.

– Сколько у вас таких спутников на нашей орбите?

Матвей не стал отвечать. Он воспользовался тем, что старик опустил оружие, сорвался со стула и с криком кинулся ему навстречу. Матвей вместе со стариком влетели в стену с широким зеркалом. Старик сильно ударился о зеркало затылком. Раздался хруст, и оно покрылось трещинами.

Матвей отступил на шаг, старик сполз по стене вниз, оставив на ней красный след. Матвей, не мешкая ни секунды, схватил в сцепленные за спиной руки пистолет и развернулся боком ко входной двери. Как раз вовремя – она распахнулась, и в помещение вбежали люди в желтых комбинезонах.

Матвей начал стрелять из-за спины, как какой-нибудь ковбой из вестерна. Люди в комбинезонах упали на пол.

Матвей еще несколько раз щелкнул пистолетом – патроны в обойме закончились.

– Быстрее, нужно уходить, – сказал я.

Матвей бросил на пол пистолет, опустился на колени возле старика и стал неуклюже искать в карманах его костюма ключ от наручников.

– Надо валить с этой планеты, – сказал Матвей.

– Да, но как?

– Мы воспользуемся шаттлом Прайса, – сказал Матвей, – Думаю, я смогу его пилотировать. Доберемся до орбиты и свяжемся с Землей...

– Подожди, – сказал я и отошел от него на шаг, – Откуда ты умеешь управлять шаттлами?

Матвей прекратил поиски ключей и замер. На меня он не смотрел. Потом поднял глаза и попытался улыбнуться, что выглядело совершенно неуместно.

– Макс, ты что? Я же пилот.

Я отступил на шаг назад. По спине пробежал уже знакомый холодок, добравшись до самой макушки.

– Нет, – сказал я, – Ты медик. Костя пилот.

Матвей еще несколько секунд сидел с дурацкой улыбкой на лице, затем все же сдался и сморщился как от сильной боли.

– Точно? – спросил он, – Костя пилот, а я медик? Ты уверен?

– Кто ты такой? – я стал отступать к двери.

– Да успокойся, что ты так завелся? – спросил Матвей, поднимаясь на ноги.

– Что здесь происходит? – выкрикнул я, – Вы меня за идиота принимаете? Кто вы все такие?

В комнату забежали еще люди в желтых комбинезонах, но остались стоять на входе, глядя на меня. Я же вертелся вокруг своей оси, словно опасаясь нападения со спины.

– Что за хрень? – крикнул я.

Сердце громко стучало. Все тело тряслось то ли от холода, то ли от страха.

Голова кружилась.

Перед глазами все поплыло... Матвей, люди в желтом... Все слилось в одну неясную картину. Они смотрели на меня... Словно ждали чего-то...

И вдруг я проснулся.

Я открыл глаза и увидел, что нахожусь на заднем сиденье внедорожника.

Моя голова снова была пуста. Я помнил все, что только что произошло со мной. Но я вдруг осознал, что я не Максим Козин. Все, что со мной произошло, было ложью. Галлюцинацией, помутнением рассудка. Все те воспоминания, которые мне “вернули”, были ложными. Паралакс, Прайс. Это все чушь собачья.

Как я мог поверить в такой бред? Что вообще со мной творится?

Я пощупал кожу головы за правым ухом. Само-собой, никакого гнезда модуля памяти там не было.

Я снова не имел ни малейшего представления о том, кто я такой и где нахожусь.

Глава 4

Я вылез из машины. Никакого снега. Воздух был влажным и теплым. Солнце находилось не очень высоко, и тени, падающие от стволов деревьев, сплетались на земле в причудливый узор.

Я снова был одет в футболку и джинсы. Теплые вещи пропали вместе со снегом и пронизывающим ветром.

Я обхватил голову руками. Что со мной происходило? Мне все это приснилось? Привиделось?

– Как ты себя чувствуешь? – услышал я.

Я открыл глаза и увидел Умника, сидящего на своем стуле передо мной.

– Я ничего не понимаю, – сказал я, – Что это было?

Умник молчал, сочувственно глядя мне в глаза.

– Ко мне ведь действительно вернулась память. Я вспомнил, кто я. Вспомнил, где нахожусь и что здесь делаю. Но теперь я понимаю, что все это было неправдой. Все эти воспоминания – ложь. Но как это возможно? Это все действительно со мной происходило или просто мне приснилось?

Умник погладил большим и указательным пальцем правой руки свою бородку.

– Мне очень сложно что-либо тебе объяснить. Я и сам не знаю, – сказал он.

Я подумал, как это странно, что человек, который появлялся ниоткуда, а затем растворялся в воздухе, оказался самым реальным из того, что меня окружало. Я почувствовал необходимость выяснить все, что он знал.

– Вы же Умник! Ну так объясните мне, – развел я руками.

– Для начала расскажи мне, что ты помнишь?

Я снова накрыл ладонями глаза и с силой их потер.

– Да ничего я не помню, снова пусто. Ничего до момента падения вертолета.

– Но ведь ты говорил, что ты... – Умник сверился с записями в блокноте, – Максим Козин, член специального отряда космической службы... Правопорядка. Это не так?

– Конечно нет, вы сами-то вслушайтесь в то, что говорите. Это бред какой-то. Я помню это... Черт, как же сложно это объяснить, – я сделал паузу, собираясь с мыслями, – Я помню, что я это помнил. Понимаете? Но теперь я осознал, что это неправда. Вся эта история с Паралаксом, Прайсом, лагерем чужаков – все чушь. Загруженные в мой мозг воспоминания, но не мои. И все происходившее вокруг – бред. Я это понял еще там.

– Где там? – спросил Умник.

– Не знаю, – я попытался вспомнить, – Наверное, я начал что-то подозревать, когда Игорь сказал мне, что на Паралаксе всегда была зима. Но я-то видел, что было лето... Видел своими собственными глазами. Потом вы начали задавать мне вопросы, на которые у меня не было ответов. Потом Прайс перепутал свою собственную фамилию, а Матвей забыл, что он медик, а не пилот... Как будто спектакль пошел не по сценарию, понимаете?

Умник кивал и записывал все в блокнот.

– Но вы-то, получается, настоящий, – сказал я, – Ведь вы были и в камере в лагере чужаков, и здесь сейчас вы тоже присутствуете.

Вдруг мелькнула вспышка розового света, будто молния. Я посмотрел на небо, но не увидел на нем ни облачка.

– Вы это видели? – спросил я.

Умник тоже озирался по сторонам, но продолжал молчать.

Последовала еще одна вспышка, кажется, ярче первой.

– Что это? – спросил я, глядя на Умника.

Он не успел ответить. Вспышки стали мелькать одна за другой, все чаще и чаще. Вокруг появился какой-то гул.

– Умник! – крикнул я, пытаюсь перекричать этот нарастающий шум.

Наконец розовый свет заполнил все вокруг. А затем и свет, и гул исчезли.

Я лежал на земле, часто дыша. Моя голова раскалывалась на множество частей. Я с трудом ее приподнял и увидел Сильвану, стоящую, вытянув руки прямо перед собой. Ее ладони дымились. За ее спиной размеренно из стороны в сторону качались стволы сосен.

Я услышал доносящееся сзади рычание, быстро перевернулся со спины на живот и взглянул на черного демона, корчащегося на земле в муках боли.

– Премудрый Старец и Дева, Сильвана, что произошло? – недоуменно спросил я.

– Вставай, Ариуст! Поднимайся и помоги мне!

Я встал и принял боевую стойку. Моя голова все еще была тяжелой, а в глазах слегка двоилось. Демон поднялся на свои уродливые лапы и теперь снова был готов броситься на нас. Его глаза пылали яростью. Он приготовился к прыжку.

Я мысленно призвал силы Отцов и сконцентрировал внутреннюю энергию для удара.

Демон бросился на нас. Мы с Сильваной одновременно ударили в него потоком энергии, я – желтым, она – розовым. Энергия ударила в грудь демона, озарила деревья вокруг желтым и розовым светом и отбросила его назад в ствол вековой сосны. Послышался хруст – то ли древесины, то ли демонических костей. Он заскулил, попытался подняться, но уже не смог. Наконец лапы демона перестали двигаться, и тело, покрытое жесткой черной шерстью, замерло.

Сильвана пошатнулась, и я подставил руку, чтобы она не упала.

– Что случилось?

– Это демон забвения. Нирум предупреждал, что они здесь водятся. Ты немного отстал от меня, и это отродье воспользовалось этим. Он напал и стал насыпать на тебя видения. Я среагировала как смогла быстро. Еще мгновение – и ты бы обезумел.

Я ужаснулся. Адская бездна, как я мог потерять бдительность? Обезуметь от видений, которые наслал на тебя демон забвения... Более постыдного конца для мага Лазурной Башни и не придумаешь.

– Спасибо, Сильвана, – сказал я, – Моя память будет хранить это вечно.

Сильвана уже твердо стояла на ногах и поправляла растрепавшиеся в бою волосы.

– Не стоит, Ариуст. Для того и существует непреложное правило – входить в Серый Лес только вдвоем, если хотите из него выйти.

Я кивнул и поднял с земли свою походную суму. Мой дорожный плащ съехал набок. Я поправил его и перекинул ремень сумы через плечо.

– Позволь задать тебе вопрос, – сказала Сильвана, – Что ты видел? Какие видения на тебя наслала эта тварь?

Я стряхнул с плаща сосновые иглы и посмотрел в ее широко раскрытые глаза.

– Это было ужасно. Истинное безумие. Я был внутри железной птицы. Затем искал какого-то человека, бежавшего из тюрьмы, которая была... – мне стало стыдно за слова, собирающиеся сорваться с моих уст.

– Что? – спросила Сильвана и улыбнулась, – Где была эта тюрьма, Ариуст?

– На Луне.

Сильвана расхохоталась.

– Тише! – всплеснул руками я, – Тише, Адская бездна, нас могут услышать другие демоны забвения. Вдруг они шастанут неподалеку?

Она зажала рот руками и, наконец, подавила смех.

– Прости, – сказала Сильвана, – Просто очень уж это потешно.

– Мне было совсем не весело. Я потерял память, меня оставила сила Отцов. Это словно дурное сновидение, но только ты никак не можешь пробудиться...

– Прости, – уже более серьезным тоном произнесла Сильвана, – Пойдем дальше. Нужно поторопиться, если мы хотим добраться до Пепельного Гарнизона до захода солнца.

Мы двинулись дальше, стараясь впредь не терять друг друга из виду. Мало ли что еще водилось в тенях Серого Леса, о чем Нирум нас не предупредил. Мы обязаны быть осторожны, ведь на нас возложена слишком ответственная миссия. Темный маг Салазар пробудился от тысячелетнего сна. Нирум – верховный маг Лазурной Башни – последнего оплота магии во всех семи королевствах – отправил меня и Сильвану через Серый Лес к Пепельному Гарнизону. Нужно во что бы то ни стало предупредить сира Мирона, командующего гарнизоном, о надвигающейся беде. О том, что спящий тысячу лет Салазар пробудился и движется к Столице...

Но поверит ли он нам? Ведь Салазар уже давно превратился в легенду, в страшную сказку для непослушных детей. Лазурная Башня – возможно, последнее место в семи королевствах, где помнят, что Салазар существовал на самом деле. И помнят, сколько бед он принес нашим Отцам.

Мы остановились на привал под кроной высокой сосны. В наших сумках осталось не так уж много вяленого мяса, а фляги опустели больше, чем на две трети. Сильвана сверилась с картой, нарисованной, должно быть, еще за тысячу лет до моего рождения.

– Надеюсь, это последний привал. Пепельный Гарнизон должен быть уже неподалеку. Мы доберемся до темна.

Я кивнул, отпив из фляги.

– Ты когда-нибудь видела сира Мирона? – спросил я.

– Только на гобеленах и в книгах.

– Я тоже. Что мы будем делать, если он откажется нам верить?

– Нам придется его убедить. Ты же знаешь, что у нас нет выбора. Судьба всех семи королевств в наших руках.

Мы немного помолчали, слушая пение диковинных птиц. Помню, как Бронис, мой товарищ по обучению, рассказывал, что в Сером Лесу водятся волшебные сойки. Якобы, они могли исчезнуть в одном месте и тут же появиться в другом. Вот бы поймать такую сойку, принести в Лазурную Башню и показать ребятам... А кое-кто утверждал, что в Сером Лесу до сих пор водятся даже единороги.

– Ты довольно сильно продвинулся в мастерстве, Аристус, – сказала Сильвана, – Ты отлично проявил себя в схватке с демоном забвения. Я обязательно сообщу о твоих успехах Нируму, когда мы вернемся в Башню.

– Спасибо, – сказал я.

Признаться честно, поход к Пепельному Гарнизону – первое мое серьезное задание. Я получил статус полноправного мага Лазурной Башни лишь год назад, а до того с самого детства усердно обучался мастерству. Конечно, я не мог позволить себе размышлять о подобных вещах, но результатом нашей миссии может стать не только победа над Салазаром, но и мое признание как боевого мага. Может, мне даже дадут второй астр, кто знает...

Я отправил в рот последний кусочек вяленого мяса.

– Сильвана, скажи мне кое-что.

Сильвана убрала с лица локоны рыжих как пламя в ночи волос и вопросительно посмотрела на меня.

– Видения, посланные демоном забвения... В них есть какой-то смысл?

Она вздохнула.

– Сложно сказать, Аристус. Древние книги говорят о том, что видения, посланные демоном забвения – ни что иное, как спутанные, ничего не значащие образы... Однако в эпоху металла маги стали находить в видениях разных людей из разных уголков семи королевств нечто схожее...

– Что ты имеешь в виду? – заинтересовался я.

– Видения были о мире, в котором люди стреляли из пушек размером со свиток пергамента, по дорогам двигались самоходные железные кареты, а по небу летали... Ну в общем...

– Стальные птицы? – спросил я, – Как в моем видении?

– Да, – кивнула Сильвана.

– И что же это может означать?

– Кто-то считает, что ничего. Все демоны забвения – сородичи. Так почему их магия не может действовать на всех одинаково? Но кто-то считает иначе. Некоторые говорят, что видения, столь схожие в деталях между собой, показывают другой мир, параллельный нашему. А демоны забвения – проводники между этим миром и нашим.

Я поежился. То ли от услышанного, то ли от порыва холодного ветра – погода начала портиться.

– В любом случае, лучше об этом не раздумывать, – сказала Сильвана, – От таких мыслей потерять голову можно быстрее, чем от демонических чар.

Я хотел что-то ей ответить, но тут заметил кое-что, что напрочь вышибло у меня из головы все слова. За правым плечом Сильваны. В глубине леса. Среди деревьев на деревянном стуле сидел человек.

Он был одет в странное одеяние, похожее на те мантии, в которых ходили министры из Высокого Замка. У него была тонкая очень короткая борода, а на носу поблескивали очки, такие, что я обомлел. У них не было никакой оправы, дужки удерживали перед глазами мужчины ничем не обрамленные маленькие стеклышки. Какой же мастер способен создать такое произведение искусства?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.